

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Императорская семья и ее окружение. 1917–1919

Сборник материалов научной конференции
13–14 сентября 2018 г.

Санкт-Петербург
ГМИ СПб
2019

ББК 63.3(2)611-8я431

И 54

Императорская семья и ее окружение. 1917–1919. Сборник материалов научной конференции 13–14 сентября 2018 г. / ГМИ СПб; сост. И. А. Карпенко. Санкт-Петербург: ГМИ СПб, 2019. — 232 с. : ил.

Сборник подготовлен по материалам конференции «Императорская семья и ее окружение. 1917–1919 гг.», состоявшейся в Государственном музее истории Санкт-Петербурга 13-14 сентября 1918 г. Статьи посвящены истории царских и великокняжеских резиденций после октября 1917 года, судьбам членов императорской семьи и их приближенных в годы Гражданской войны, истории борьбы с символами царской власти в Петрограде. Издание адресовано историкам, искусствоведам, музейным сотрудникам.

Содержание

<i>И. В. Зимин, А. А. Журавлев. Семья Николая II в Александровском дворце с 8 марта по 16 июля 1917 г. (по материалам камер-фурьерского журнала)</i>	5
<i>Е. М. Болтунова. Воспоминания А. И. Иевреина «Поездка в Тобольск» (1950 г.): новый источник по истории последних месяцев жизни царской семьи из фондов Бахметевского архива (Нью-Йорк, США)</i>	13
<i>М. О. Логунова. Алексей Егорович Трупп – Алоиз Трупп. Новые данные</i>	22
<i>В. С. Измозик. Великий князь Николай Михайлович. 1917–1919 годы</i>	35
<i>Г. Н. Корнева, Т. Н. Чебоксарова. Жизнь великого князя Дмитрия Константиновича в России в годы испытаний (1914–1919)</i>	48
<i>О. В. Новикова. Жизнь владельцев Мраморного дворца 1914–1917 и их судьба после Октябрьского переворота</i>	63
<i>А. А. Будко, Н. Ю. Бринюк. Последние годы лейб-медика академика Н. А. Вельяминова</i>	74
<i>К. А. Тарасов. А. И. Тарасов-Родионов — фигурант «Царского дела»? </i>	86
<i>М. В. Шкаровский. Борьба с наследием «старого режима» в Петрограде в 1918–1920-х годах</i>	97
<i>А. В. Карпов. Императорский портрет как символический враг</i>	108
<i>А. В. Конивец. Зимний дворец в первые годы после Октября</i> ..	118

<i>Г. К. Шуцкая.</i> Музей «Дом бояр Романовых» и его судьба после 1917 года	135
<i>М. В. Кирпичникова.</i> Гатчинский дворец. От императорской резиденции к музею. 1917–1919 годы	144
<i>Е. И. Жерихина.</i> Ново-Михайловский дворец и его владелец в эпоху революций	157
<i>Ю. И. Светов.</i> Карл Булла, императорский фоторепортер	166
<i>Т. Г. Яковлева.</i> «...Я исполнял свой долг честного гражданина и человека»: Федор Густавович Беренштам — первый хранитель дворцов-музеев Петергофа (1918–1924 гг.)	179
<i>И. И. Климовицкая.</i> «Драгоценные документы»: Романовы глазами Фаберже	194
<i>Е. В. Пчелов.</i> Давал ли большевистский Кремль санкцию на убийство царской семьи?	205
Сведения об авторах	227
Список сокращений	229

Е. М. Болтунова

**Воспоминания А. И. Иевреинова
«Поездка в Тобольск» (1950 г.):
новый источник по истории последних
месяцев жизни царской семьи из фондов
Бахметевского архива (Нью-Йорк, США)**

В настоящий момент как в академических исследованиях, так и, шире, в поле публичной истории, при анализе событий 1917–1918 гг. все чаще на первый план выходит версия о предательстве элит как о причине революционных событий 1917 г. В рамках подобной трактовки исключительно востребованной стала цитата из воспоминаний великого князя Александра Михайловича: «Трон Романовых пал не под напором предтеч Советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворной знати, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живших щедротами империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами! Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую Книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах»¹. Интерпретация такого рода формирует образ покинутости, одиночества царской семьи в период ссылки в Тобольске, а потом и в Екатеринбурге. Отсюда же проистекает впечатление, что планов к спасению Николая II фактически не существовало и существовать не могло.

Примечательно, однако, что оценки такого рода диаметрально противоположны советским трактовкам, в которых, напротив, царская семья в ссылке рисовалась объектом приложения самых разных сил, которые ставили перед собой цель освободить Романовых. Именно так, например, ситуацию 1918 г. представляли авторы одного из позднесоветских путеводителей по Тобольску: «К спасению Романовых привлекались верные люди. Необходимые средства для этого собирали махровый черносотенец Марков-второй, фрейлина Вырубова, проходимец и авантюрист поручик Соловьев. В Тобольск хлынули переодетые монахи, приехали через Харбин агенты английской разведки. Местная гостиница „Лоскутная“, Ивановский и Абалканский монастыри были переполнены „коммерсантами“ и „монахами“»².

Стремление оценить столь разные позиции отправляет нас обратно к источникам. Одним из текстов, способных прояснить ситуацию, являются воспоминания А. И. Иевреинова «Поездка в Тобольск». Эти материалы, хранящиеся в Бахметевском архиве (Нью-Йорк, США)³, не были введены в научный оборот. «Поездка в Тобольск» лишь однажды упоминалась в научно-популярной работе Хелен Раппопорт, посвященной последним месяцам жизни Романовых⁴. До настоящего момента мало что было известно и об авторе этого текста. В архивном реестре Бахметевского архива значатся лишь его фамилия, инициалы, а также год, когда воспоминания были приобретены, — 1968 г.⁵

Анализ материалов Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА) позволил установить, что автором текста является Андрей Иванович Иевреинов (1883–1958)⁶. Андрей Иванович Иевреинов, происходивший из потомственных дворян Курской губернии, родился 26 октября 1883 г. в Харьковской губернии и был сыном генерал-майора. Он окончил Александровский кадетский корпус и в 1901 г. поступил в Александровское военное училище. Двигаясь по служебной лестнице, к 1911 г. он дослужился до штабс-капитана. Андрей Иванович был участником Первой мировой войны, на полях которой получил чин капитана (1915 г.), а затем и полковника (1916 г.) лейб-гвардии Егерского полка и был награжден несколькими орденами. В конце 1910-х гг. Иевреинов эмигрировал в Финляндию, а затем в Аргентину, где прожил до своей смерти 1 мая 1958 г.⁷

Находящийся в архиве текст — машинописная копия (оригинал в фондах не значится) — датирован 1950 г. и обладает целым рядом особенностей. Прежде всего обращает на себя внимание, что воспоминания Иевреинова не имеют целью дать оценку

русской революции или событиям периода Гражданской войны. Автор сосредоточивается исключительно на событиях зимы-весны 1918 г. в Петрограде и в Тобольске. При этом, хотя воспоминания посвящены неудачной попытке спасения последней императорской семьи, здесь нет даже упоминания об их последующей трагической гибели, о которой много писала эмигрантская пресса⁸ и о чем Иевреинов не мог не знать. Более того, в тексте нет отсылок или даже косвенных указаний на исторические реалии 1920 — конца 1940-х гг. Возможно, таков сознательный выбор автора. Но это также может указывать на то, что воспоминания (или по крайней мере какие-то первоначальные наброски) могли быть написаны ранее 1950 г. или даже непосредственно после произошедшего. Об этом говорит и сохраненная в тексте дореволюционная орфография.

Кроме того, обращает на себя внимание определенная беллетризованность текста. Не имея возможности увидеть процесс редактирования, мы не можем сказать, идет ли речь о литературных способностях самого автора или о позднейшей обработке, которой подвергся текст. Однако «Поездка в Тобольск» читается как настоящий авантюрный роман. Зима 1918 года. Главный герой, 35-летний гвардейский полковник, отправляется в Тобольск под видом предприимчивого польского коммерсанта, вознамерившегося открыть в городе кинематограф (кстати, по приезду он обнаруживает, что кинематограф в городе есть и не один), в кармане у него — поддельные документы, в руках — мешок со сладостями и конфетами для наследника и великих княжон, который у него потом украдут. Он едет поездом, а затем на повозке через заснеженные леса, через село Покровское, где родился Григорий Распутин, и наконец достигает Тобольска. Там он встречается с доктором Боткиным и местными анархистами.

Свои воспоминания Иевреинов начинает с получения новостей о революции 1917 г.: «Большевистский переворот застал меня в деревне, в имении моего отца, в Курской губернии. Там же находился и мой брат Борис, также офицер нашего полка. Мы оба долго и много обсуждали, что нам следует предпринять и сделать, чтобы исполнить свой долг перед родиной и Государем. В это время уже начиналось движение на юге России, руководимое генералом Алексеевым и Корниловым, но лозунг, под которым оно велось, не мог быть принят нами и не казался нам спасительным для России. Мы оба пришли к убеждению, что нам надо раньше ехать в Петроград, постараться войти в связь с руководящими монархическими кругами и выяснить, что нам надо делать, причем

моей особенной мечтой было оказать какую-нибудь службу непосредственно Государю императору»⁹.

Согласно воспоминаниям, братья отправляются в Петроград, где находят небольшую группу заговорщиков, которой руководит Николай Иванович Туган-Барановский, некогда товарищ министра путей сообщения, гофмейстер, который, однако, «никогда не был близок ко двору»¹⁰. Иевреинов узнает, что группа Туган-Барановского уже предпринимала попытки связаться с Романовыми в Тобольске, но они не были успешными: два посланных офицера не доехали, а отправленный туда монах Александро-Невской лавры отец Нектарий «съездил благополучно, но мало что выяснил»¹¹.

Туган-Барановский достаточно быстро санкционирует поездку Иевреинова и его помощника, поручика Туношенского, в Тобольск. При этом бывший товарищ министра путей сообщения поручает полковнику сообщить императору план монархических организаций: после взятия немцами Петрограда власть перейдет к Сенату, Николай Николаевич Юденич будет назначен главнокомандующим с диктаторскими полномочиями, а Александр Васильевич Кривошеин станет главой нового правительства. После этого отречение Николая II будет объявлено недействительным и государь либо примет престол снова, либо назовет своего преемника. Примечательно, что, отправляя Иевреинова в Тобольск, Туган-Барановский также говорит ему о необходимости передать императору, что он лично хотел бы занять в этом правительстве пост министра путей сообщения.

Приехав в Тобольск, Иевреинов и Туношенский действительно снимают помещение под кинематограф. По мнению автора, своими действиями они ни у кого не вызвали подозрений, а знакомые, которыми они обзавелись в городе, оценили задуманное как предприятие крайне выгодное: «...действительно в действующем кинематографе деньги загребают лопатами... очередь туда стоит на улице, так как народонаселение города за последнее время увеличилось беженцами, денег имеется достаточно, развлечений же не имеется почти никаких»¹².

Несколько страниц воспоминаний посвящены попыткам вступить в контакт с лейб-медиком Николая II Евгением Боткиным. С жалобами на мучающие его ангины гвардейский полковник обращается к Боткину, которому в Тобольске была разрешена частная практика. Открыв доктору свои истинные планы, Иевреинов быстро (по его словам — мгновенно) завоевывает доверие последнего и получает возможность видаться с лейб-медиком и вести с ним довольно продолжительные разговоры.

Боткин описывает полковнику быт Романовых в Тобольске: «Боткин мне подробно рассказывал об условиях жизни Их Величеств. Из этого рассказа я узнал о их финансовых затруднениях, что они решили отпустить часть прислуги, но их уволят только когда откроется навигация, пока же всей прислуге сокращено жалование. Стол тоже сокращен. Государь очень экономен, так как спички теперь в городе очень дороги, то если в комнате кто-нибудь курит, то он иногда не зажигает спички, а прикуривает от папирсы. Население очень отзывчиво, и доктора Боткина заваливают просьбой передать Их Величеству разные сладости: сахар, разные пироги и варенье. Я хожу всегда к Их Величествам в широком английском пальто и карманы набиты всякой снедью. Иногда я боюсь, что из кармана у меня потечет варенье»¹³.

Андрей Иевреинов, в свою очередь, рассказывает Евгению Боткину о попытках сбора средств для Николая II, предпринятых в Петрограде: «Н. И. Туган-Барановским были предприняты шаги добыть средства у англичан, но Бьюкенен не захотел об этом говорить, так же как и французский посол Нуленс; маркиз де ла Гиш, состоявший при особе Их Величеств, оказался очень отзывчивым и после просьбы Туган-Барановского собрал среди своих друзей во Франции значительную сумму, которую кому-то передал в Петрограде, но не сказал Н. И. (Туган-Барановскому. — Е. Б.), кому именно. Гр. Бенкендорф об этих деньгах ничего не знает. Через гр. Адлерберга я спрашивал князя Трубецкого, предполагая, что, может быть, маркиз де ла Гиш обратился к нему как бывшему командиру конвоя, но оказалось, что и Трубецкой тоже ничего не знал. Кому им были эти деньги переданы, ни Туган-Барановскому, ни мне не удалось выяснить»¹⁴.

Боткин вскоре предоставляет Иевреинову возможность увидеть императорскую семью из окна дома купца Корнилова: «...Боткин скоро вышел, сразу подошел ко мне и повел к окну, посмотрел мне горло и при этом тихо сказал: — Смотрите скорее на двор, сейчас только что все вышли гулять. В окно я увидел Государя, пившего вместе с князем Долгоруким дрова. Государь стоял лицом к нашему окну, его хорошо было видно. Тут же, на дворе, Великие княжны, Государь Наследник также пилили дрова и расчищали снег. Императрица сидела в кресле на крыше оранжереи. Государь император был в походной рубашке без погон. Наследник и Великие княжны — в свитерах. Государыня в шерстяной лиловой кофте. Мне стоило колоссальных усилий, чтобы скрыть охватившее меня волнение. Я боялся, что если буду долго стоять, то мое волнение отразится на лице, и я поспешил отойти от окна»¹⁵.

Иевреинов достаточно быстро начинает задаваться вопросом о вероятных способах побега. Он верит, что бегство технически возможно, но не знает, что делать в случае его успешного осуществления: «Из солдат охраны особенно хорошо были настроены стрелки Императорской Фамилии, и в день, когда в карауле находились они, можно было сделать многое. Да и вообще большевики почти не располагали военной силой в Тобольске. Кроме охраны никакой войсковой части в это время не было, так как запасной полк был уже демобилизован. Но вопрос — куда везти. До ближайшей железнодорожной станции около 200 верст, да и везти на ближайшую железнодорожную станцию совершенно немыслимо, так как по железной дороге ехать нельзя, надо везти или куда-нибудь в степь Семипалатинской области или же стараться перебраться на восток, так как везти в сторону Европейской России немыслимо. И то и другое можно было исполнить только на лошадях... Для использования другой возможности надо было ждать начала навигации. В Тобольске стояла винтовая шкуна, годная, по словам знатоков, для морских и даже океанских переходов. Эта шкуна была более быстроходна, чем все пароходы, ходившие по Иртышу. Завладеть ею было легко. Капитаном мог быть один из членов военной организации, бывший коммерческий моряк дальнего плавания, ходивший по Северным морям. С открытием навигации можно было бы привезти Государя со всю семью на эту шкуну, двинуться вверх по Иртышу и Оби в Ледовитый океан и оттуда перебраться в Архангельск. Но навигация в верхней части Иртыша и Оби возможна только с начала июня, так что и это в данное время было невозможно»¹⁶.

Примечательно, что в этом эпизоде Иевреинов говорит о спасении всей семьи. Другие источники личного происхождения демонстрируют, что план бегства из Тобольска всех Романовых рассматривался далеко не всегда. Так, дочь Евгения Боткина Татьяна в своих воспоминаниях пишет о некой монархической организации, члены которой намеревались или по крайней мере говорили о необходимости спасения прежде всего наследника Алексея Николаевича¹⁷. Очевидно, впрочем, что и для Иевреинова среди сосланных Романовых был тот, кого надлежало вывезти первым. В его случае речь шла о Николае II.

Приняв решение не дожидаться наступления навигации, полковник начинает поиск лошадей, необходимых для побега. Однако почти сразу после этого он узнает о появлении в Тобольске отряда Василия Яковлева (Константина Мячина), а затем и об исчезновении из города императора, императрицы, великой княж-

ны Марии и доктора Боткина: «...в 12-м часу ночи я пошел домой и решил пройти до Губернаторского дома, но меня не пустили, так как оказалось, что ближайшие улицы оцеплены красногвардейцами. Публику гнали вон. На другой день утром я, как всегда, отправился на работы и узнал от моего еврея, что Государь ночью увезен, причем он сказал, что это сделано немцами и что теперь скоро можно ожидать реставрации. Я выразил свое мнение, сказав, что вряд ли немцы могут к этому стремиться»¹⁸.

Новость об увозе императора воспринимается Иевреиновым как начало конца. Он решает остаться в городе, пока в нем находятся наследник и великие княжны, и становится свидетелем двух шествий по улицам Тобольска — известного крестного хода, организованного епископом Гермогеном, и большевистской демонстрации в честь 1 мая. «В Вербное воскресенье он (Гермоген. — Е. Б.) пришел служить литургию в соборе и оттуда разослал по всем церквям приказание духовенству принять участие в крестном ходе. В сопровождении всего духовенства города епископ Гермоген обошел с крестным ходом почти весь город, прошел и мимо дома, где помещались Великие княжны, которые смотрели на крестный ход из окон. Никакого препятствия крестному ходу большевики не чинили. После крестного хода епископ Гермоген вернулся в свои покои, где и проживал долгое время до своего ареста»¹⁹. Через несколько дней по тем же улицам прошла большевистская демонстрация: «1 мая большевики устроили около Народного дома митинг. Ораторы выступали с речами с балкона. Речи были безумные. От союза домашней прислуги выступала с подобающей речью жена одного присяжного поверенного. Она была в черном шелковом платье с какими-то красными цветами на груди. В толпе говорили, что у нее никто из прислуги долго не живет, так как она скверно с ней обращается. После митинга было шествие по городу красноармейцев и разных союзов и революционных организаций. Шествие вышло не внушительное, так как рабочих в городе было мало. На тротуарах были зеваки, как при всяких зрелищах, но и то не большое количество. Широкие круги населения Тобольска к празднованию 1 мая отнеслись равнодушно. Шествие прошло по тем улицам, где шел в Вербное воскресенье крестный ход. Когда подходили к Губернаторскому дому, я обогнал шествие и стал напротив дома Губернатора. Великие княжны стояли на парадном крыльце, выходящем на двор, с улицы их хорошо было видно. По счастью большевистская манифестация прошла мимо них мирно. Ни одного выкрика или неуместного возгласа не было»²⁰.

Иевреинов, описывая одно за другим два шествия, образно соотносит их с прошлым и будущим, которые на какой-то момент встречаются. В обоих случаях в центре шествия для него оказываются великие княжны.

Воспоминания Иевреинова заканчиваются так же резко, как и начинаются. На последних страницах «Поездки в Тобольск» автор пишет, что незадолго до своего отъезда из города узнал о приезде датчанина, который интересовался существовавшей в России лесной промышленностью и приехал в Тобольск работать на лесопильном заводе. Иевреинов замечает, что «этот датчанин по манерам и костюму производил впечатление человека из хорошего общества. Его чемоданы и несессеры по своим качествам и большой стоимости вряд ли могли принадлежать бедному лесничему, решившему искать счастья в Сибирской глуши. Были еще два японца, открывших красильни наискосок от Губернаторского дома, в котором жил Государь; они уехали через 2 дня после увоза Государя. Было еще несколько лиц, приехавших из Петрограда, но по каким делам они приезжали, установить было трудно, ничем заметным они себя не проявили»²¹.

Финал текста возвращает нас к цитате из советского путеводителя по Тобольску. Согласно воспоминаниям Иевреинова, зимой — весной 1918 г. в Тобольске существовало сразу несколько групп и/или отдельных людей, которые ставили перед собой цель освободить императорскую семью. Вместе с тем ни одна из них не предприняла сколько-нибудь заметной попытки изменить положение Романовых в это время.

Источниковедческая критика воспоминаний Иевреинова подтверждает исключительную осведомленность автора о происходившем в Тобольске. В тексте есть детальный рассказ о дороге от Петрограда до Тобольска, точное описание городских строений того времени (например, Губернаторского дома и дома купца Корнилова) и план их расположения. Иевреинов вполне корректно передает социальную жизнь Тобольска конца 1910-х гг. Сопоставление этого текста с другими источниками показывает, что Андрей Иевреинов многое знал о тобольской жизни главных героев своего повествования, таких как Евгений Боткин, епископ Гермоген (Долганов), митрополит Антоний (Храповицкий), Василий Яковлев (Константин Мячин) и других. И хотя этот документ нуждается в дополнительном изучении, можно предположить, что перед нами оригинальный текст, содержащий во многом достоверную информацию.

- ¹ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М., 1996. С. 96. Этот отрывок, в частности, завершает экспозицию «Романовы» в мультимедийных исторических парках «Россия — моя история» в 18 городах России.
- ² *Копылов Д., Прибыльский Ю.* Тобольск. Свердловск, 1975. С. 174.
- ³ *Ievreinov A. I. Pоеzdka v Tobol'sk. Memoirs (1950) // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University Rare Books and Manuscripts. BAR Gen Ms Collection.* P. 1–27.
- ⁴ В этой работе, переведенной с английского языка, фамилия автора воспоминаний передана неверно (Евреинов). Раппопорт Х. «Мы не хотим и не можем бежать...» Рок семьи Романовых. М., 2018. С. 99–101.
- ⁵ URL: <https://clio.columbia.edu/catalog/4077615>.
- ⁶ Автор выражает благодарность кандидату исторических наук, начальнику отдела научно-справочного аппарата РГВИА О. В. Чистякову за помощь в поиске материалов по биографии А. И. Евреинова.
- ⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 29904. П/с 330–911; РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 228. Л. 12 об.–13; Волков С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2 т. Т. 1. М., 2012. С. 494.
- ⁸ См., например: Коковцов В. Н. Правда об убийстве царской семьи // *Иллюстрированная Россия*. 1933. № 29 (427). С. 1–5.
- ⁹ Здесь и далее сохранены оригинальная орфография и пунктуация. *Ievreinov A. I. Pоеzdka v Tobol'sk... P. 1.*
- ¹⁰ *Ibid.* P. 1.
- ¹¹ *Ibid.* P. 1–2.
- ¹² *Ibid.* P. 8.
- ¹³ *Ibid.* P. 15.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 15.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 16.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 17.
- ¹⁷ *Мельник (Боткина) Т.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 76.
- ¹⁸ *Ievreinov A. I. Pоеzdka v Tobol'sk... P. 22.*
- ¹⁹ *Ibid.* P. 23.
- ²⁰ *Ibid.* P. 23.
- ²¹ *Ibid.* P. 27.

Сведения об авторах

Болтунова Екатерина Михайловна — доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат исторических наук

Будко Анатолий Андреевич — директор Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации, доктор медицинских наук

Бринюк Надежда Юрьевна — научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, кандидат исторических наук

Жерихина Елена Игоревна — ведущий специалист Института историко-культурных проектов

Журавлев Александр Алексеевич — доцент, заведующий учебной частью кафедры истории Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова, кандидат исторических наук

Зимин Игорь Викторович — заведующий кафедрой истории Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова, доктор исторических наук

Измозик Владлен Семенович — профессор Санкт-Петербургского Государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, доктор исторических наук

Карпов Александр Владимирович — доцент Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица, кандидат культурологии

Кирпичникова Мария Викторовна — старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Гатчина», кандидат исторических наук

Климовицкая Ирина Игоревна — Мемориальный фонд Фаберже

Конивец Анна Валентиновна — старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа

- Корнева Галина Николаевна** — кандидат технических наук
- Логунова Марина Олеговна** — главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга, кандидат исторических наук
- Новикова Ольга Валерьевна** — старший научный сотрудник Государственного Русского музея
- Пчелов Евгений Владимирович** — заведующий кафедрой Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук
- Светов Юрий Ильич** — старший научный сотрудник РАН, член правления Фонда исторической фотографии имени Карла Буллы, кандидат физико-математических наук
- Тарасов Константин Андреевич** — научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук
- Чебоксарова Татьяна Николаевна** — Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», кандидат технических наук
- Шкаровский Михаил Витальевич** — главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, доктор исторических наук
- Щуцкая Галина Константиновна** — заведующая филиалом Государственного исторического музея «Палаты бояр Романовых»
- Яковлева Татьяна Геннадьевна** — специалист по музейным исследованиям Государственного музея-заповедника «Петергоф»